

Григорий (Борисоглебский), иером. Возрождение, по учению препод. Макария Египетского: [Пробная лекция] // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 11. С. 205–224 (2-я пагин.).

Возрожденіе, по ученію Препод. Макарія Египетскаго *).

Святоотеческая письменность, какъ главнѣйшій, послѣ Слова Божія, источникъ для Нравственнаго Богословія.—Препод. Макарій Египетскій, какъ нравоучитель.—Человѣкъ въ невинномъ состояніи, какъ носитель Божественной жизни.—Паденіе человѣка, какъ потеряніе.—Жизнь падшаго человѣчества, какъ смятеніе.—Испуленіе, какъ возвращеніе потерянной жизни.—Ходъ нравственнаго возрожденія.—Первая ступень возрожденія: желаніе спасенія.—Вторая ступень: борьба жизни духовной съ плотской.—Третья ступень: пріятіе благодати общенія съ Богомъ.—Четвертая ступень: жизнь во Христѣ. — Отличительный характеръ нравоучительной аскетической письменности.

Въ послѣднєе время наша русская богословская наука подвергается нареканіямъ за то, что она не отличается самостоятельностію, но питается лишь только тѣмъ, что изготавливается Западомъ. Въ этихъ нареканіяхъ, разумѣется, есть и доля правды; но несомнѣнно также, что они нуждаются и въ ограниченіи. Не касаясь другихъ наукъ, смѣло можно сказать о Нравственномъ Богословіи, что оно отнюдь не должно подлежать такому упреку. Отечественныхъ трудовъ по Нравственному Богословію, за вычетомъ немногихъ школьнныхъ учебниковъ, слишкомъ мало, чтобы ими можно было доказать эту истину; но она безъ труда доказывается самыми содержаніемъ науки. Путешественникъ, пускающійся въ опасный путь по невѣдомой странѣ, если желаетъ воспользоваться добрыми указаніями другихъ, то, разумѣется,

*.) Вступительная лекція, прочитанная въ Московской Духовной Академіи 24-го апрѣля 1892-го года и. д. доцента по каѳедрѣ Нравственного Богословія, Иеромонахомъ Григоріемъ.

обратится къ тому, кто самъ путешествовалъ по этой странѣ, знаетъ ее по личному наблюденію и знакомъ съ трудностями ея путей по собственному опыту. Поэты обыкновенно воспитываются на поэтахъ. Художники всегда заканчиваютъ свое образованіе въ музеяхъ. Послѣ этого должно ли Нравственное Богословіе, имѣющее своей задачей научное начертаніе христіанскаго нравственного идеала и описание того пути и тѣхъ условій, которымъ и при которыхъ совершается его проведеніе въ жизнь, должно ли—повторять—Нравственное Богословіе послѣ Новаго Завѣта идти за своимъ матеріаломъ къ новымъ западнымъ богословамъ? Христіанство не есть отвлеченіе религіозная или философская доктрина, которая даетъ пищу только одному уму; оно есть прежде всего и главнѣе всего жизнь; только вѣровать умомъ и даже трепетать отъ этой вѣры — еще не значить быть христіаниномъ; быть христіаниномъ значитъ созидать свое спасеніе христіанскою жизнью. Эта то жизнь въ ея представлениіи и постепенномъ усвоеніи ею нравственного идеала и есть предметъ, подлежащій изслѣдованію Нравственного Богословія. Послѣ слова Божія, которое устанавливаетъ для науки ея основные и общіе принципы, главнымъ источникомъ для нея, разумѣется, должна служить область опытной нравственности. Отсюда становится вполнѣ понятнымъ: какая богатая сокровищница глубочайшей христіанской психологіи и морали заключается въ писаніяхъ тѣхъ святыхъ мужей древности, которые умѣли и сами жить по христіански, и другихъ учить этой великой наукѣ своимъ словомъ. Святоотеческая письменность вообще, а аскетическая въ особенности — вотъ источникъ для науки о нравственности. Святые подвижники, путемъ изученія Слова Божія и борьбы съ ветхимъ человѣкомъ достигшіе высокаго нравственного совершенства, въ своихъ писаніяхъ вынесли на общую пользу глубокій и многодорожательный опытъ нравственной жизни, подробно описавъ весь ея ходъ. Такого опыта уже больше нигдѣ не найдти. Ни въ какое сравненіе съ нимъ не можетъ быть поставленъ опытъ новыхъ западныхъ богослововъ. Къ ихъ опыту въ крупномъ большинствѣ вполнѣ приложимы слова преп. Макарія: „кто ведеть рѣчь о духовномъ, не вкусивъ того самъ, тотъ уподобляется человѣку, который при наступленіи дневнаго зноя

идеть пустымъ полемъ и, томясь жаждой, описываетъ источникъ, струящійся водою, изображая себя плющимъ, между тѣмъ у него засохли уста и языкъ отъ палящей ихъ жажды,— или человѣку, который говорить о медѣ, что онъ сладокъ, но не вкушалъ его самъ и не знаетъ силы его сладости. Такъ, если ведутъ рѣчь о совершенствѣ, о радованіи или о безстрастіи, не ощущавше въ себѣ ихъ дѣйственности и удостовѣренія въ нихъ, то на дѣлѣ не все бываетъ такъ, какъ они говорятъ” (Бес. XVII, § 12). Конечно, для исторіи науки о нравственности, для изложенія и разбора различныхъ этическихъ философскихъ системъ, для научной систематизаціи самого святоотеческаго матеріала, для его философскаго освѣщенія и подобнаго много го полезнаго можетъ дать и западная наука; но центральная и положительная часть Нравственнаго Богословія всецѣло должна основываться на святоотеческой письменности. Къ сожалѣнію, эта истинна, хотя и сознается нашими моралистами, но не особенно усердно прилагается ими къ дѣлу. Между тѣмъ, какой богатый матеріаль въ этой сокровищницѣ! Предлагаемый опытъ и будетъ возможной иллюстраціей къ этой мысли. Его задача въ томъ, чтобы ознакомить слушателей съ учениемъ Преп. Макарія Египетскаго о нравственномъ возрожденіи.

У Преподобнаго Макарія есть изреченіе: „случается, что человѣкъ простой, духовно возродившись, становится мудрымъ, и ему открываются сокровенные тайны” (Бес. XXVI, § 5). Наилучшимъ примѣромъ подобнаго перерожденія служитъ самъ преподобный Макарій. Сынъ бѣднаго отца, онъ въ юности былъ пастухомъ его стадъ. Не известно, чтобы онъ получилъ систематическое школьнное образованіе. Въ то время, когда жилъ Преп. Макарій (родился въ 300 году; умеръ въ 390-мъ), въ Египтѣ, подъ вліяніемъ примѣра Преп. Антонія Великаго, развилось сильное стремленіе къ подвижнической жизни. Этотъ добрый духъ времени расположилъ юношу оставить міръ съ его праздной суетой и отдаваться единому на потребу. Въ тиши уединенной пустыни преподобный подвизался 60 лѣтъ, стоя во главѣ братіи. При постоянныхъ посѣщеніяхъ отшельниками и мірянами, онъ вѣль съ ними духовныя бесѣды, дѣлясь своимъ внутреннимъ духовнымъ опытомъ. Нѣсколько,

несомнѣнно, наиболѣшіхъ его бесѣдъ сохранились въ записи до нашего времени. Эти его бесѣды, посланія и слова и составляютъ драгоцѣнныи матеріалъ для выясненія нравственнаго ученія древнихъ подвижниковъ. Нравственныи наставленія Макарія отнюдь не могутъ считаться специальными монастырскими. Всегдашній пустынникъ, Макарій говорилъ въ нихъ о христіанской жизни вообще. У него нѣтъ частныхъ правилъ о келейной жизни иноковъ, нѣтъ подробныхъ предписаній о томъ, гдѣ и какъ должно себя вести иноку, чѣмъ характеризуются, напр., писаніе аввы Дороея. Макарій обращалъ свои бесѣды къ тѣмъ, которые нуждались въ уясненіи общихъ нравственныхъ понятій христіанства. Онъ наставляетъ своихъ слушателей: какова послѣдняи цѣль нравственной жизни, какъ идетъ самое обращеніе падшей души къ Богу, чѣмъ оно начинается, какъ продолжается и къ чему приводитъ. Его ученіе — нравственная философія и психологія. При изложеніи нравственнаго ученія Преподобнаго о ходѣ возрожденія, мы будемъ по возможности больше говорить буквальными выражками *).

Возрожденіе, какъ показываетъ самое слово, предполагаетъ первую жизнь, смерть и новую жизнь; отсюда три части ученія о возрожденіи: невинное состояніе человѣка, его паденіе и, наконецъ, возрожденіе въ христіанствѣ. — Пока человѣкъ былъ невиненъ, тогда онъ жилъ настоящую жизнью, къ какой онъ и былъ предназначенъ. Назначеніе человѣка, его послѣдняи цѣль и верховное благо должно быть полагаемо въ томъ, чѣмъ онъ отличается отъ всѣхъ прочихъ тварей. Оно — въ общемъ человѣческой души съ

*). При изученіи твореній Преподобнаго Макарія Египетскаго у насъ подъ руками были слѣдующія ихъ изданія: 1) Въ Патрологіи *Migne'a*, въ греч. серіи, томъ XXXIV (Paris. 1860) coll. 401—968; 2) *Преп. отца нашего Макарія Египетскаго* Духовныи бесѣды, посланіе и слова, съ приложениемъ свѣдѣній о жизни его и писаніяхъ. Переводъ съ греч. при Моск. Дух. Академіи. Изд. З. Москва 1880; 3) въ русскомъ Добротолюбіи, въ 1 томѣ (Москва. 1883). Наставленія св. *Макарія Великаго* о христіанской жизни, стрр. 159—283. — Попытки систематического изложения нравственнаго ученія Преп. Макарія можно находить: 1) у *Преосв. Филиарета* въ Историческомъ ученіи объ Отцахъ Церкви, т. 2 (СПБ. 1859), § 163, стрр. 237—241 и 2) въ Жизни Пр. Макарія Григорьевскаго, приложеній къ помянутому русскому переводу его твореній, стрр. IX—XVII.

Богомъ. „Богъ сотворилъ разныя тиари; сотворилъ небо и землю, солнце, луну, воды, древа плодоносныя, всякие роды животныхъ. Но ни въ одной изъ сихъ тварей не почиваетъ Господь. Всякая тварь во власти Его; однакоже не утвердилъ Онъ въ нихъ престола, не установилъ съ ними общенія; благоволилъ же объ единомъ человѣкѣ, съ нимъ вступивъ въ общеніе и въ немъ почивая“ (Бес. XLV, § 5). „Посему душа смысленная и благоразумная, обошедшіи всѣ созданія, нигдѣ не находитъ себѣ упокоенія, какъ только въ единомъ Господѣ“ (Тамъ же). „Какъ богатая девица, говоренная замужъ, какіе бы ни получала подарки до брака, не успокаивается тѣмъ, пока не совершился брачный союзъ; такъ и душа ничемъ не успокаивается, пока не достигнетъ совершенного общенія съ Господомъ“ (Тамъ же, § 7). Сообразно такому назначенію душа первозданного человѣка надѣлена была отъ Творца всѣми добродѣтелями. „При созданіи ея, такою сотворилъ ее Богъ, что въ естество ея не было вложено порока, напротивъ того, сотворилъ ее по образу добродѣтели Духа, вложилъ въ нее законы добродѣтелей (*ιόμοις ἀρετῶν*), разсудительность (*διάκρισις*), вѣдѣніе (*γνῶσις*), благоразуміе (*φρόντια*), вѣру и прочія добродѣтели по образу Духа“ (Бес. XLVI, § 5). Однимъ словомъ, создаль ее такою, чтобъ содѣляться ей· невѣстой и сообщницей Его, чтобъ и Ему быть въ единеніи съ нею и ей быть съ Нимъ во единый духъ (Бес. XLVI, § 6). И невинная жизнь прародителей до ихъ грѣхопаденія была идеально-человѣческою жизнью: они пребывали въ раю постоянно съ Богомъ (Бес. XII, § 8). „Въ Адамъ пребывало Слово (*ὁ λόγος τοῦ Θεοῦ*) и онъ имѣлъ въ себѣ Духа Божія“. (Тамъ же, § 6). Умъ первоначально чистый, пребывая въ чинѣ своемъ, созерцалъ Владыку своего; и Адамъ, пребывая въ чистотѣ, царствовалъ надъ своими помыслами и блаженствовалъ, покрываемый божественною славою“ (Бес. XLV, § 1; XV, § 23; XII, § 6). „Само пребывавшее въ немъ Слово было для него всѣмъ: и вѣданіемъ, и ощущеніемъ (блаженства), и наслѣдіемъ, и ученіемъ“ (Бес. XII, § 7). Человѣкъ умѣлъ различать страсти, чуждъ былъ демонамъ, чистъ отъ грѣха или отъ пороковъ—Божіимъ былъ подобіемъ“ (Бес. XXVI, § 1).—Здѣсь особенно замѣчательно отличие ученія преп. Макарія отъ обыч-

наго, школьнаго, въ каковомъ отличіи — его великое превимущество. Препод. Макарій, напр., назначеніе человѣка и его жизнь до паденія не характеризуетъ какимъ либо вышнимъ, юридически-праведнымъ отношеніемъ человѣка къ Богу, но прямо внутреннимъ усвоеніемъ имъ содержанія Божественной жизни.

Но это невинное состояніе продлилось не долго. Хотя продлить его навсегда и было въ человѣческой власти, однако отъ человѣка случилось то, что оно было имъ потеряно. „Видимыя твари связаны какимъ-то неподвижнымъ естествомъ; не могутъ онѣ выйти изъ того состоянія, въ которомъ созданы, и не имѣютъ воли. А человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію. Какъ Богъ свободенъ и творить, что хочетъ, такъ свободенъ и человѣкъ“ (Бес. XV, §§ 20, 21). Природа наша удобопріемлема и для добра и для зла, и для Божіей благодати и для противоположной силы. Она не можетъ быть приневоливаема“ (Тамъ же, § 23). „Такъ и Адамъ по собственной своей волѣ преступилъ заповѣдь и послушалъ лукаваго“ (Бес. XII § 8) „и погибъ для Бога (Тамъ же, § 1). Чрезъ грѣхъ человѣкъ отдалъ себя во власть діавола (Бес. I, § 7). Насколько прежде благолѣпна была человѣческая душа отъ союза съ Богомъ, настолько она стала нечистою отъ нового союза съ діаволомъ. „Въ нее вошло лукавство темныхъ страстей“ (Тамъ же). И какъ вошло? Оно объяло всю душу. „Лукавый князь — такъ обложилъ и облекъ душу властію тьмы, какъ облекаютъ человѣка, чтобы содѣлать его царемъ и дать ему всѣ царскія одѣянія и чтобы отъ головы до ногтей носилъ онъ на себѣ все царское. Такъ лукавый князь облекъ душу грѣхомъ, все естество ея и всю ее осквернилъ, всю плѣнилъ въ царство свое, не оставилъ въ ней свободнымъ отъ своей власти ни одного члена ея, ни помысловъ (*λογισμούς*), ни ума, ни тѣла, но облекъ ее въ порфиру тьмы“ (Бес. II, § 1). „Того и домогался врагъ, чтобы Адамовымъ преступленіемъ уязвить и омрачить внутренняго человѣка, владычественный умъ, зрящій Бога. И очи его, когда недоступны имъ стали небесныя блага, прозрѣли уже для пороковъ и страстей“ (Бес. XX, § 4). Демоны, удаливъ „человѣка отъ небеснаго образа мыслей, низвели его къ дѣламъ лукавымъ, вещественнымъ, земнымъ, бреннымъ, къ

словамъ, помышленіямъ и разсужденіямъ суетнымъ“ (Бес. XLVII, § 6). Препод. Макарій и здѣсь опять не полагаетъ ни самого паденія, ни его слѣдствій въ чисто вѣщнемъ формальномъ прекращеніи союза человѣка съ Богомъ, въ смыслѣ юридического акта проклятія Богомъ человѣка. Нѣть; паденіе и его слѣдствія въ томъ, что человѣкъ лишился содержанія божественной жизни, которую жилъ раньше, утративъ доступныя ограниченному существу Божескія совершенства. Предъ нимъ открылась другая жизнь: жизнь плоти и сатаны. И онъ потерялъ ощущеніе сладости Богообщенія, блаженства небесной жизни. Удалившись отъ неба, онъ пошелъ къ землѣ.

Изложивъ учение преп. Макарія о невинномъ состояніи первого человѣка и его грѣхопаденіи, теперь перейдемъ къ раскрытию его взгляда на сущность жизни человѣчества, послѣ грѣхопаденія. Послѣ того, какъ человѣкъ сознательно и свободно удалился отъ Божественныхъ законовъ, жизнь человѣчества пошла по тому новому, плотскому, направлению, которое было избрано согрѣшившими. „Со времени Адамова преступленія, душевные помыслы (*οἱ λογισμοὶ τῆς ψυχῆς*), отторгшись отъ любви Божіей, разсѣялись въ всѣхъ семье и смѣшались съ помыслами вещественными и земными. Но какъ преступивший заповѣдь Адамъ принялъ въ себя закваску зловредныхъ страстей, какъ и родившися отъ него и весь родъ Адамовъ, по преемству, стали причастниками онай закваски; а при постепенномъ преспѣяніи и возрастаніи до того уже умножились въ людяхъ грѣховныя страсти, что простерлись до прелюбодѣянія, непотребствъ, идолослуженій, убийствъ и другихъ нелѣпыхъ дѣлъ, пока все человѣчество не вскисло пороками“ (Бес. XXIV, § 2). „Всѣ мы—пишетъ въ другомъ мѣстѣ преподобный—сыны этого омраченного рода, всѣ причастны того же зловонія. Какою немощью пострадалъ Адамъ, тою же пострадали и всѣ мы, происходящіе отъ Адамова сѣмени“ (Бес. XXX, § 6). Посему жизнь падшаго человѣчества, жизнь безъ Бога, безъ идеала—есть просто одно какое то суетное смятеніе. „Какъ одна ночная тьма распостриается надъ цѣлою вселеною, такъ князь лукавства, будучи нѣкою мысленною тьмою грѣха и смерти, какимъ-то сокровеннымъ и жестокимъ вѣтромъ обуреваетъ и кружить весь на землѣ человѣкъ“

вѣческій родъ, непостоянными помыслами и мірскими по-желаніями уловляя человѣческія сердца, тьмою невѣдѣнія, ослѣпленія и забвенія наполняетъ всякую душу, нерожденную свыше, и мыслию и умомъ не преселившуюся въ иный вѣкъ, по сказанному: *наше же житіе на небесъхъ есть* (Фил. III, 20)“ (Бес. V, § 3). Однако человѣческая душа не утеряла окончательно сѣмянъ жизни святой, жизни по Богу, отчего плотскою жизнью не удовлетворяется, но мается въ тоскѣ по небесной отчизнѣ. „Видимый міръ, отъ царей и до нищихъ, весь въ смятеніи, въ нестроеніи, въ борьбѣ, и никто изъ нихъ не знаетъ тому причины, т. е. этого явнаго зла, привозошедшаго вслѣдствіе Адамова преступленія; грѣхъ тайно дѣйствуетъ на внутренняго человѣка и на умъ и борется съ нимъ помыслами; люди же не знаютъ, что дѣлаютъ сіе побуждаемые чуждою нѣкою силою; напротивъ того, думаютъ, что это естественно, и что дѣлаютъ сіе по собственному своему разсужденію. Но въ самомъ умѣ имѣющіе миръ Христовъ и озареніе Христово знаютъ, откуда возвѣгается все это (Бес. XV, § 47).

Но изъ этого состоянія смятенія, тоски о потерянной истинной жизни, жажды настоящаго порядка вещей есть выходъ. Онъ обусловливается, во 1-хъ, свободою, оставшуюся у человѣка и, во 2-хъ, прішествіемъ Спасителя на землю; поэтому-то человѣчество, хотя и отдалось въ пленъ діаволу, однако пріобрѣло возможность сознательно освободиться отъ него. „Мы не говоримъ, учить Преп. Макарій, что человѣкъ всецѣло утратился, уничтожился, умеръ: онъ умеръ для Бога, живеть же собственнымъ естествомъ“ (Бес. XII, § 2). „Осталась въ человѣкѣ свобода, какую Богъ далъ ему въ началѣ“ (Бес. XV, § 38) и которая „можетъ противиться діаволу“ (Бес. XXV, § 1). Такъ какъ грѣхопаденіе состояло въ утратѣ Божественной, небесной жизни, то искупленіе должно было состоять въ томъ, чтобы возвратить ее человѣку, принести въ міръ эту потерянную жизнь, обновить райскіе идеалы. У міра не было этой жизни; посему ее съ неба долженъ быть принести самъ Богъ. „Міръ уподобляется человѣку богатому, который владѣеть великокольпными и огромными домами, изобилуетъ серебромъ и золотомъ, различными стяженіями и всякою прислугою, но внезапно объять болѣзнями и немо-

щами; все родство стоять предъ нимъ, и при всемъ богатствѣ не можетъ избавить юго отъ болѣзни. Такъ, никакая житейская рачительность, ни богатство, ни другое что душу, погруженную въ грѣхъ, не изъемлетъ отъ грѣха; и одно только пришествіе Христово можетъ очистить душу и тѣло“ (Бес. XLV, § 3). И вотъ наконецъ, воплотившійся Спаситель „лукавыхъ духовъ, всѣдающихъ въ тѣлѣ, низложилъ съ престоловъ, т. е. съ понятій и помысловъ, которыми они правили, и очистилъ совѣсть, и престоломъ Себѣ Самому содѣлалъ умъ, и помыслы, и тѣло“ (Бес. VI, § 5). „Господь нашъ Іисусъ Христосъ—говорить въ другомъ мѣстѣ Преподобный—для того и пришелъ, чтобы измѣнить, преобразить и обновить естество, и эту душу, вслѣдствіе преступленія низложенную страстями, создать вновь, растворивъ ее Божественнымъ Духомъ.. Онъ пришелъ вѣрюющихъ въ Него содѣлать новымъ умомъ, новою душою, новыми очами, новымъ слухомъ, новымъ языкомъ духовнымъ, однимъ словомъ —новыми людьми“ (Бес. XLIV, § 1). Господь, основавшій сіе новое царство истины и добра, желаетъ, чтобы всѣ люди дѣлались его сынами (Бес. XXX, § 3); Онъ радуется о притекающихъ сюда (тамъ-же) и скорбитъ объ уклоняющихся отъ него (Бес., XXXIII, § 11). Однако Онъ не дѣлаетъ принужденій человѣческой волѣ (Бес. XV, § 28; ср. § 29, Бес. XXX, § 9): и здѣсь та же свобода, что и при паденіи первого человѣка. — Достойно особеннаго вниманія ученіе Преп. Макарія о значеніи искупленія. Онъ не смотритъ на это Божественное дѣло любви Господней, какъ только на юридически-формальный актъ снятія проклятія съ человѣка, удовлетворенія прогнѣванной правдѣ Божіей, заглажденія грѣховъ человѣчества и подобнаго. Нѣтъ. Сущность искупленія, по нему, въ томъ, что Господь принесъ на землю новую жизнь съ новыми стремленіями, съ новымъ духомъ, указалъ новую цѣль бытія и новый смыслъ жизни; обновилъ человѣческую природу, поправъ жизнь плоти и сатаны.

Такъ описывается Преп. Макарій собственно жизнь человѣчества: сначала оно жило подъ властію діавола, а потомъ устремилось ко Христу. Также точно проходитъ и жизнь каждого отдѣльного человѣка. Изъ борьбы противъ плотской жизни и изъ стремленія и усвоенія жизни Хри-

стовой и слагается жизнь человѣка—христіанина. Земная наша жизнь есть не что иное, какъ изникновеніе изъ плотской жизни и пріятіе небесной. Она есть то же возрожденіе, котораго ждалъ и дождался міръ. Въ этомъ возрожденіи каждого отдельного человѣка Преп. Макарій усматриваетъ несолько ступеней. Первая ступень: самое начало возрожденія, т. е. желаніе спасенія, желаніе новой Христовой жизни. Вторая ступень: борьба Христовой жизни съ плотскою, Божескихъ идеаловъ и мотивовъ съ земными, сатанинскими. Третья ступень: достиженіе благодати чрезъ общеніе съ Богомъ. Дальше же слѣдуетъ наслажденіе плодами возрожденія: заключительная ступень его.

Возрожденіе человѣка открывается тѣмъ, что въ душѣ появляется желаніе оставить грѣховную жизнь по плотскому человѣку и начать жизнь во Христѣ. Это желаніе есть дѣло свободной воли. Въ нашемъ спасеніи „посему воля есть какъ бы существенное условіе. Если нѣтъ воли, Самъ Богъ ничего не дѣлаетъ, хотя и можетъ по своей свободѣ“ (Бес. XXXVII, § 10). „Какъ евангельскій слѣпецъ,—говорить въ другомъ мѣстѣ Преподобный,—если-бы и возопилъ, и кровоточивая жена, если-бы не пришла ко Господу, не получила исцѣленія, такъ, если кто не приступить къ Господу по собственной волѣ и отъ всего произволенія и не будетъ умолять Его съ несомнѣнностью вѣры, то не получить онъ исцѣленія“ (Бес. XX, § 8). Причины возникновенія сего желанія бываютъ различны; ихъ дѣйствія—иногда даже трудно уловимы. Иного обращаютъ къ Богу несчастія: „если срѣтаютъ тебя несчастія, то начинаешь разсуждать самъ съ собою: несчастливъ я въ мірѣ, пойду отрекусь отъ міра, буду служить Богу“ (Бес. XXXII, § 7), т. е., говоря вообще, ощущеніе духовной пустоты плотской жизни влечетъ за собою желаніе новой. Другимъ, когда они, совершенно не думая о Богѣ, мятутся въ водоворотѣ плотской суеты, вдругъ послышится откуда-то неожиданный голосъ обѣ иной жизни, о мірѣ, о добрѣ такъ точно, какъ послышался такой голосъ св. Ап. Павлу. (Бес. XLVIII, § 8). Большинство же обращается къ Богу подъ дѣйствиемъ глаголовъ Господнихъ въ Словѣ Божиемъ (тамъ-же § 30). Возникновеніе этого желанія сопровождается борьбою; съ одной стороны новая Христова жизнь влечетъ

къ себѣ, побуждастъ человѣка сильнѣе привязаться къ ней; съ другой—плотская жизнь, сатана отвлекаетъ отъ Христа; Вотъ, напр., какія побужденія слышатся душѣ, желающей обратиться ко Христу. Душа слишкомъ высокая умная сущность, чтобы она могла удовлетворяться жизнью по плотскому человѣку (Бес. XXVI, § 1). Напротивъ, она по своей природѣ жаждетъ общенія съ Богомъ, „Возведешь ли очи къ солнцу, найдешь, что кругъ солнечный на небѣ, свѣтъ же и луци его нисходятъ на землю, и вся сила свѣта и блестательность его стремится къ землѣ. Такъ и Господь сѣдитъ одесную Отца, превыше всякаго начала и власти, но око Его на сердца, людей, пребывающихъ на землѣ съ тѣмъ, чтобы ожидающихъ отъ Него помощи, вознести туда, где Самъ пребываетъ. Но беззловесный, животный много смысленіе насть, ибо каждое изъ нихъ соединяется съ своей собственной породой; дикія съ дикими и овцы также съ своимъ родомъ. А ты не возвращаешься къ небесному своему родству, т. е. Господу, но помыслами своими соглашаешься и склоняешься на помыслы здобы“ (Бес. I, § 8). Если сотворенное натимъ тѣло станетъ для поддержанія своей жизни ограничиваться только тѣмъ, что въ немъ самомъ, ничего—ни цищи, ни питья, ни одежды—не принимая извѣнѣ, то оно погибнетъ. Такъ и душа, не имѣющая въ себѣ Божія свѣта, сотворенная же по образу Божію, не изъ собственного своего естества, но отъ Божества Его, отъ собственного свѣта Его воспріемлетъ духовную лицу, и духовное питіе, и небесныя одѣянія, что и составляетъ истинную жизнь души (Бес. I, §§ 8, 10). А каковы блага Царства Божія! „Невозможно выразить или описать неизмѣримое, безпредѣльное и непостижимое богатство христіанъ“ (Бес. XXXIV, § 3). „Познай же свое благородство, а именно, что призванъ ты въ царское достоинство, что ты *родъ избранъ и лазыкъ святъ* (І Петр. II, 9). Тайна христіанства необычайна для мира сего. Видимая слава и богатство царя суть нѣчто земное, тлѣнное, прходящее; а то царство и то богатство божественны, небесны, славны, никогда не проходятъ и никогда не прекращаются“ (Бес. XXII, § 4). Такъ говорять въ душѣ ея влеченія къ небесной жизни. Но на ряду съ ними она слышитъ и иные голоса. Сатана начинаетъ на-

шептывать человѣку отчаяніе: „смотри, сколько худаго сѣлаѧ ты; смотри, какого неистовства исполнена душа твоя; столько обремененъ ты грѣхами, что не можешь уже счастись“. Сіе же дѣлаетъ, чтобы ввергнуть тебя въ отчаяніе, потому что непріятно ему покаяніе твоє. Отвѣчай ему и ты: „имѣю въ Писаніи Господнемъ свидѣтельства, не смерти хочу грѣшника, но покаянія, чтобы обратился онъ отъ путей лукаваго и былъ живъ“ (Іезек. XXXIII, 11). Ибо для того снисшель Онъ, чтобы спасти грѣшныхъ, воскресить мертвыхъ, просвѣтить находящихся во тьмѣ“ (Бес. XI, § 15. Ср. Бес. IV, § 25. 27; Бес. XXVII, § 22). Если въ душѣ желаніе новой жизни искреннее и сильное, то оно побѣдить всѣ прираженія плоти и восторжествуетъ. Съ этимъ восторжествованіемъ желанія оканчивается первый моментъ возрожденія. И въ этомъ пункѣ опять преп. Макарій отличается отъ обычныхъ схоластическихъ воззрѣній на начало духовной жизни въ человѣкѣ: общеніе съ Богомъ, по его учению, не даются человѣку, какъ награда за какие либо его подвиги, но постепенно стяжевается самимъ человѣкомъ при Божій помощи добровольно, составляя собою самое содержаніе христіанскихъ подвиговъ.

Вторая ступень возрожденія обусловливается необходимо возникающею борьбою между мірскими привязанностями и жизнью духовною; она характеризуется безповоротной рѣшимостью отречься отъ всего земного для Господа, отвратить душу отъ всякихъ привязанностей, кромѣ религіозныхъ. Эта рѣшимость должна быть твердою и сильною. Рѣшимость же слабая, которая существуетъ больше на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ и при первомъ же искушеніи отъ міра — ослабѣваетъ и падаетъ — сія не благоплодна. Тогда въ душѣ истинная рѣшимость, когда она совершенно мнить себя мертвой къ суетѣ мірской. „Что бы ей ни было нанесено, среди тысячи искушеній, все претерпѣвая, она должна говорить: „если и умру (подъ тяжестью искушеній), не оставлю Господа“ (Бес. XXVI, § 8). „Душа наша, приступая къ истинному Архіерею — Христу, должна быть отъ Него закланною и умереть для своего мудрованія и для худой жизни, какою жила, т. е. для грѣха (Бес. I, § 6). Тѣ, кто дѣйствительно рѣшились жить только по Богу, должны къ этой небесной любви „не примѣшивать никакой

другой любви и приверженности“ (Бес. V, § 7), всецѣло отречься отъ себя, возгнушаться всѣми мірскими пожеланіями, связями, развлеченіями, удовольствіями и занятіями, имѣи предъ очами единаго Бога и вожделѣвая творить Его заповѣди“ (Тамъ же § 8). Между тѣмъ „многіе приходятъ въ умиленіе, многіе дѣлаются причастниками небесной благодати, уязвляются небесною любовью, но, не выдержавъ встрѣтившихся на пути различныхъ бореній, подвиговъ, трудовъ и искущений отъ лукаваго, поелику у каждого есть желаніе любить что-либо въ мірѣ семъ, а не вполнѣ отрѣшаться отъ любви своей, возвратившись къ разнообразнымъ и различнымъ мірскимъ пожеланіямъ, по слабости и недѣятельности, или по боязливости собственной своей воли, или по любви къ чому-либо земному, остались въ мірѣ и погрязли въ глубинѣ его“ (Бес. X, § 7). Они „хотя намѣреваются получить царствіе и желають наслѣдовать вѣчную жизнь, однако-же не отказываются жить по собственнымъ своимъ хотѣніямъ и слѣдовать симъ хотѣніямъ“ (тамъ же, 38), при небесной любви „любятъ еще что-нибудь, услаждаются какими-нибудь удовольствіями или пожеланіями вѣка сего“ (Бес. V, § 8). И замѣчательно: такихъ людей, наполовину отдающихъ себя Богу, большинство. Такой человѣкъ, какъ будто и Богу служить и себя не забываетъ. Онъ даже готовъ подчать и защищать свое поведеніе. Но сіе — опасно для души; такой душѣ спасеніе не возможно (тамъ же, § 13). Опасность увеличивается еще тѣмъ, что это служеніе плоти бываетъ какъ-то непримѣтно, будто даже и благовидно. „Иногда хорошия, повидимому, начинанія приводятся въ исполненіе ради славы и людской похвалы; а сіе уже предъ Богомъ равно неправдѣ, татъбѣ и другимъ грѣхамъ. И въ добрыхъ, повидимому, дѣдахъ лукавый видѣтъ себѣ услугу; онъ весьма разнообразенъ и обманчивъ въ мірскихъ пожеланіяхъ (*πολυτοιχίος γάρ εστι καὶ αλατηρός εὐ οὐθυμίας κόσμου*). Для какой-нибудь земной и плотской любви, которою человѣкъ связываетъ себя по собственной волѣ, уловляетъ его грѣхъ, дѣлается для человѣка оковами, узами, тяжкимъ бременемъ, которое потопляетъ и подавляетъ его въ вѣкѣ лукавомъ, не давая ему собраться съ силами и возвратиться къ Богу. Напримеръ, иной возлюбилъ имѣніе, а иной золото и серебро,

иной же многоученую мірскую мудрость для славы человѣческой, иной безвременныя сходища, иной весь день проводить въ разсѣяніи и удовольствіяхъ, иной обольщается праздными помыслами, иной для человѣческой славы любить быть какъ-бы зеконоучителемъ, иной услаждается недѣятельностю и нерадѣніемъ, другой привязанъ къ одеждамъ, иной предается земнымъ попеченіямъ, иной любить сонъ, или шутки, или сквернословіе. Чѣмъ, словомъ, привязанъ кто къ миру, малымъ или великимъ, то и удерживаетъ его и не позволяетъ ему собраться съ силами. Съ какою страстью человѣкъ и борется мужественно, ту любить онъ и она обладаетъ имъ, и обременяетъ его, и дѣлается для него оковами и препятствіемъ уму его обратиться вполнѣ къ Богу" (Бес, V, § 9). Нужно если уже любить Бога, то любить всей душой. Иначе—нѣминуемая потеря спасенія. „Представь себѣ, что плывутъ иные моремъ и застигнуты сильнымъ волненіемъ. Одинъ, раздѣвши до-нага, бросается въ воду съ намѣреніемъ спасти только себя; и вотъ онъ, гонимый волнами, и ничѣмъ не связанный, кромѣ заботливости о душѣ своей, плавая поверхъ волнъ, нашелъ возможность выйти изъ моря; а другой, вознамѣривши спасти и чѣто изъ одеждъ своихъ, подумалъ; что и съ ними, если возьметъ ихъ съ собою, можно плыть и выйти изъ моря; но взятыя имъ одежды обременили его и потонули въ глубинѣ морской; и вотъ, ради малой корысти не позаботивши съ душѣю своею, погибъ онъ" (тамъ же § 11).—Наша школьнайа наука, почти никогда не возвышаясь до такого рѣшительного взгляда на христіанскою подвиги, и доселе продолжаетъ намѣчать рубрики о позолительности различныхъ удовольствій, утѣхъ мірскихъ и т. п., забывая, что истинный послѣдователь Христовъ и не взглянетъ на нихъ, ибо они съ Его точками зрѣнія не имѣютъ ровно никакой цѣны.

Когда въ душѣ окончательно укрѣпится твердая рѣшимость жить духовною жизнью, послѣ этого уже слѣдуетъ третья ступень возрожденія: человѣкъ, живущій по Богу, начинаетъ входить въ общеніе съ Нимъ. Лишь только душа твердо рѣшится жить по Богу, она должна уже тогда стремиться къ тому, чтобы сподобиться пріять въ себѣ благодать Св. Духа и чрезъ нее обновить свое естество. „Какъ тѣло безъ

души мертво и не можетъ ничего дѣлать, такъ безъ небесной души, безъ Духа Божія, и душа мертва для царства, а безъ Духа не можетъ дѣлать того, что Божіе“ (Бес. XXX, § 3). „Посему, кто старается увѣровать и прийти къ Господу, тому надлежитъ молиться, чтобы здѣсь еще пріять ему Духа Божія, потому что Онъ есть жизнь души, и для того было пришествіе Господа, чтобы здѣсь еще дать душѣ жизнь—Духа Святаго (тамъ-же, § 6). Сія благодать Духа по безпредѣльной и непостижимой премудрости Божіей подается различнымъ людямъ различно: „иныхъ, какъ скоро приступаютъ съ вѣрою и молитвою, пока еще живутъ въ мірѣ, безъ ихъ трудовъ, потовъ и изнуреній предваряютъ дарованія и дары Св. Духа“ (Бес. XXIX, § 1), „а иныхъ хотя удалились они изъ міра, отреклись по Евангелію, отъ вѣка сего, и съ великимъ терпеніемъ преуспѣваютъ въ молитвѣ, въ постѣ, въ рачительности и другихъ добродѣтеляхъ, Богъ не скоро даетъ благодать и сіе для испытания свободной воли: ибо пребудутъ ли до конца въ несомнѣнной вѣрѣ или отвратятся отъ Бога“ (тамъ-же, § 2. Ср. §§ 3. 4. 5). Такъ испытывалъ Господь Іосифа (Бес. IX; § 2), Давида (—§ 3), Мовсея (—§ 4), Авраама (—§ 5), Ноя (—§ 6) и дрр. Сія благодать Духа Св. пріобрѣтается жизнью по Христову Закону; эта жизнь есть борьба съ плотію, сораспятие Господу и духовное общеніе съ Нимъ въ добродѣтельной жизни. На первыхъ порахъ, при сильныхъ искушеніяхъ, къ добрымъ дѣломъ надлежить себѣ по-нуждать. Надо „принуждать себя къ любви, если кто не имѣть любви, принуждать себя къ кротости, если не имѣть кротости; принуждать себя къ тому, чтобы милосердныи быть и имѣть милостивое сердце; принуждать себя къ тому, чтобы терпѣть пренебреженіе и, когда пренебрегаютъ,—быть великодушнымъ, когда унижаютъ или бесчестятъ,—не приходить въ негодованіе, по сказанному: *не себѣ отмачивающе возмобленные* (Рим. XII, 19); надлежитъ принуждать себя къ молитвѣ, если кто не имѣть духовной молитвы“ (Бес. XIX, § 3). „И такимъ образомъ, что душа дѣлаетъ теперь съ принужденіемъ непроизволящаго сердца, то будетъ нѣкогда дѣлать произвольно, постоянно пріучая себя къ добру и памятя всегда Господа и непрестанно ожидая Его съ великою любовію“ (—§ 2); впослѣдствіи „Богъ,

видя, что человѣкъ столько подвизается и противъ воли сердца съ усилиемъ обуздывать себя, исполнить его духовнаго плода“ (—§ 3). — Но на ряду съ понужденiemъ себя къ добру душа надлежитъ противиться и худому въ себѣ, прощенье бороться съ діаволомъ, который не оставляетъ человѣка и здѣсь въ сей моментъ его возрожденія. Конечно, многимъ покажется страннымъ рѣчь о борьбѣ съ діаволомъ; теперь скорѣе навыдумываютъ различныхъ психологическихъ гипотезъ, чѣмъ признаютъ возможность сей борьбы. Но о такихъ людяхъ св. отецъ говоритъ: „если кто привязанъ къ видимымъ вещамъ въ мірѣ семъ, опутываетъ себя многоразличными узами и увлекается зловредными страстями, то не познаетъ онъ, что внутри у него есть иная борьба, и битва, и брань; онъ не познаетъ обмана сокровенныхъ духовъ злобы и тайныхъ зловредныхъ страстей, но останется чуждымъ себѣ самому (*ἀλλ᾽ ἔστιν ἀλλότιος ἕαυτοῦ*), потому что не известны ему язвы его, и, имѣя въ себѣ тайные страсти, не сознаетъ ихъ“ (Бес. XXI, § 4). Хотя сіи враги и трудно побѣдимы, но „если душа стоитъ твердо и ни въ чемъ ни ослабѣваетъ, то начинаетъ одерживать надъ грѣхомъ побѣды и люди дѣлаются побѣдителями“ злыхъ духовъ (Бес. III, § 5). Какъ о средствѣ для наиболѣе успѣшнаго и легкаго боренія съ плотью, Препод. Макарій говоритъ о вицѣнныхъ аксестическихъ подвигахъ. Впрочемъ на нихъ онъ отнюдь не переносить центра тяжести жизни этой ступени. Они—не больше какъ именно только средство. Цѣль нравственной жизни не въ нихъ. „Многіе, строго наблюдая за вицѣніемъ, предупреждаетъ Преп. Макарій, упражняясь въ наукахъ и заботясь о жизни правильной, думаютъ, что такой человѣкъ совершененъ, не вникая въ сердце, не примѣчая тамъ пороковъ, какіе обладаютъ душою“ (Бес. XV, § 46). „Можетъ-ли—говорить въ другомъ мѣстѣ Преподобный—кто бы то ни было сказать: я пощусь, веду странническую жизнь, расточаю имѣніе свое, слѣдовательно, уже святъ? Ибо воздержаніе отъ худаго не есть еще самое совершенство“ (Бес. XVII, § 5). „Если видимо соблюдаешь тѣло свое отъ растлѣнія и блуда—въ другомъ мѣстѣ читаемъ у Препод. Макарія—внутренно же ты любодѣйствовалъ и творилъ блудъ въ помыслахъ своихъ, то прелюбодѣй ты предъ Богомъ, и не принесетъ тебѣ пользы

дѣственное тѣло твое“ (Бес. XXVI, § 13). Конечная цѣль всѣхъ подвиговъ и внутреннихъ и внѣшнихъ у души, твердо рѣшившейся жить только духовнымъ человѣкомъ, та, чтобы „здѣсь еще пріять ей Духа Божія, потому что Онъ есть жизнь души и для того было пришествіе Господа, чтобы здѣсь еще дать душѣ жизнь—Духа Святаго“ (Бес. XXX, § 6). Если же христіанинъ, отказавшись отъ жизни плотскаго человѣка „не будетъ имѣть внутри себя радости духа и утѣшения небесной благодати, то стала онъ солю обуявшею, онъ жалокъ паче всѣхъ людей“ (Бес. XLIX, § 1).

Но вотъ, наконецъ, наступаетъ послѣдняя ступень нравственнаго возрожденія. Вся душа человѣка исполняется блаженства богообещенія. Христіане, сподобившіеся небеснаго огня, Духа Св., о мірѣ мыслять уже не иначе, какъ, что весь земной міръ и царскія сокровища, и богатство и слава, и слова мудрости,—все это какая то мечта, что то не имѣющее твердаго основанія, но прходящее; и если есть, что подъ небомъ, то для нихъ достойно это всякаго пренебреженія. Почему же это? Потому что чудно и дивно то, что превыше небесь, чего нѣтъ ни въ сокровищахъ царскихъ, ни въ словесахъ мудрости; ни въ славѣ мірской (Бес. XV, § 40, 41); къ этой красотѣ они привязываются. Они отдаются въ плѣнъ вождѣльню и любви, всецѣло устремляясь ко Христу (Бес. V, § 6). Колебаній значитъ уже нѣтъ. Христосъ возлюбленъ, плотское мудрованіе отвергнуто. Не нужно думать, что лишь только обнаружится въ душѣ присутствіе благодати Духа Св., тотчасъ будто сія благодать объемлетъ всю душу, и человѣкъ дѣлается совершеннымъ. „Многіе вводимы были въ заблужденіе самыми дѣйствіемъ въ нихъ благодати: они подумали, что достигли совершенства и сказали: „довольно съ насъ, не имѣемъ ни въ чемъ нужды“. Но Господь безконеченъ и непостижимъ, и у души много членовъ и глубина ея велика, и произошедши въ нее грѣхъ овладѣлъ всѣми ея паіштами и составами сердца (Бес. XXVI, § 17). Какъ серебренникъ и рѣзчикъ, производя рѣзьбу на блюда по частямъ, покрываетъ разныхъ животныхъ, какихъ на немъ вырѣзываеть, а когда кончить работу, тогда показываетъ блюдо въ полномъ блескѣ; такъ и истинный Художникъ Господь украшаетъ рѣзьбою сердца наши и обновляетъ таинственно“

(Бес. XVI, § 7). Разъ струя благодати проникла въ душу, она уже не можетъ насытиться ея. Она „хотя бы сподобилась достигнуть различныхъ духовныхъ дарованій или откровеній и небесныхъ таинъ, по безмѣрной и ненасытимой любви своей къ Господу, сама въ себѣ находитъ, будто бы ничего еще не пріобрѣла, а напротивъ того ежедневно алча и жаждя, съ вѣрою и любовью пребывая въ молитвѣ, не можетъ насытиться благодатными таинами и благоустроениемъ себя во всякой добродѣтели“ (Бес. X, § 4). По мѣрѣ того, какъ такой человѣкъ, при помощи благодати Божіей, все болѣе и болѣе усовершается, онъ все болѣе и болѣе мнить себя грѣшникомъ. Его „благодать учить быть нищимъ по духу,—и хотя онъ праведникъ и Божій избранникъ,—не почитать себя за что либо, но привнавать душу свою малоцѣнною и уничиженною, какъ будто ничего онъ не знаетъ и не имѣеть, хотя и знать и имѣть: И такая мысль дѣлается какъ бы триждыденою и укорениенною въ умѣ человѣческомъ“ (Бес. XII, §§ 3. 4). Такой человѣкъ мнить себя самымъ сквернымъ; напротивъ другихъ никого не осуждаетъ, на всѣхъ взираетъ съ простодушнымъ произволеніемъ, чистымъ окомъ, никѣмъ не гнущаєтся и не дѣлаетъ различія между людьми (Бес. XV, § 8). Полученіе благодати отнюдь не убиваетъ самодѣятельности души на пользу своего спасенія. Имъ напротивъ, спасеніе только начинается. „Какъ плынущіе моремъ купцы, хотя найдутъ и попутный вѣтръ и тихое море, но пока не войдутъ въ пристань, находятся подъ страхомъ, что вдругъ возстанетъ противный вѣтръ, взволнуется море и корабль подвергнется опасности: такъ и христіане, хотя и ощущаютъ въ себѣ, что дышетъ благопріятный вѣтръ Св. Духа, однако находятся еще подъ страхомъ, чтобы не нашелъ и не подулъ вѣтръ сопротивной силы, и не воздвигъ въ душахъ ихъ какого мятежа и волненія. Посему потребна великая рачительность“ (Бес. XLIII, § 4). „Нѣтъ человѣка, на котораго врагъ пересталъ бы нападать. Сатана немилосердъ и человѣконенавистенъ, поэтому не лѣнится нападать на всякаго человѣка“ (Бес. XXXVIII, § 4). „Божіи человѣки должны пріуготовлять себя къ боренію и подвигу. Таковъ путь христіанства. Гдѣ Духъ Святый, тамъ, какъ тѣнь, слѣдуетъ гоненіе и брань. Видишь, какъ пророки,

хоть въ нихъ дѣйствовалъ Духъ, всегда гонимы были единоплеменниками? Видишь, какъ Господь, Который есть путь и истина, гонимъ былъ не инымъ народомъ, но своими. А подобное сему было и съ Апостолами. Истина необходимо быть гонимою (Бес. XV, § 11). Послѣ того, какъ христіанинъ ревностно и долго трудится во спасеніе, бываютъ случаи, что онъ сподобляется и высшаго духовнаго озаренія; Богъ пребываетъ съ нимъ; ему то хочется обнять весь міръ своею любовью (Бес. XVIII, § 8), то въ молитвенномъ восхищении—оставить тѣло и землю и переселиться на небо. Но совершенной мѣры нравственной красоты не бываетъ въ вѣкѣ семь. „Донынѣ не знаю“, пишетъ Преп. Макарій, ни одного человѣка христіанина совершененнаго или свободнаго (вполнѣ). Напротивъ того, если кто упокоевается въ благодати, доходитъ до тайнъ и до откровеній, до ощущенія великой благодатной сладости; то и грѣхъ пребываетъ еще внутри его! Я до нынѣ—повторяю—не видалъ ни одного свободнаго человѣка, и, поелику въ иные времена самъ отчасти, говорить св. отецъ, доходилъ до оной мѣры, то довѣдался и знаю, почему нѣть совершеннаго человѣка (Бес. VIII, § 5). Наивысшее совершенство христіанина характеризуется Преподобнымъ такъ: „когда душа прильпаетъ ко Господу, и Господь милуетъ и любя ее, приходитъ и прильпаетъ къ ней, и разумѣніе ея непрестанно уже пребываетъ въ благодати Господней, тогда душа и Господь дѣлаются единій духъ, единое сраствореніе, единый умъ. Тѣло души остается поверженнымъ на землѣ, а умъ ея всецѣло жительствуетъ въ небесномъ Йерусалимѣ, восходя до третьяго неба, прильпаясь ко Господу и тамъ служа Ему“ (Бес. XLVI, § 3). Это—рай на землѣ, будущая жизнь въ настоящей. Достойна и здѣсь вниманія особѣнность ученія Преп. Макарія. По его учению, оправданіе человѣкомъ усвоивается не въ видѣ награды за исполненіе имъ заповѣдей Божіихъ, но приобрѣтается имъ постольку, по скольку онъ самъ начинаетъ жить Христовой жизнью.

Сдѣляемъ теперь краткое заключеніе и выводъ изъ всего сказанаго. Все ученіе Преп. Макарія о возрожденіи проникнуто одною мыслью, однимъ началомъ: человѣку нужно искренно и сознательно полюбить Христа, Его жизнь—и

стремиться къ ея достиженію. Благодать будеть спосѣществовать — и человѣкъ возраждается. Весь сокровеній ходъ, возрожденія Преподобный описываетъ всегда непрѣменно, какъ жизнь внутреннюю, происходящую въ душѣ человѣка, въ его расположенияхъ, мысляхъ и наимѣніяхъ. Нигдѣ у него не прозвучалъ мотивъ формальный или юридический: нѣть рѣчи ни о вѣшне-формальной истинности христіанской религіи, какъ главнѣйшемъ побужденіи къ ея усвоенію, нѣть ни страха наказанія, но — страхъ потері небесной жизни, нѣть рѣчи о проijkstraї, ни обѣ удовлетвореній, какъ отищевія за непослушаніе царя. *Возрожденіе есть всецѣла актъ внутренний, хотя виноватомъ его является не столько сама человѣческая воля, сколько Богъ.* Вотъ этою то существенной чертой и отличаются всѣ нравственно-аскетическая, свято-отеческая творенія отъ нашихъ ученыхъ и учебныхъ схоластическихъ курсовъ. Въ послѣднихъ только половина истины. Въ нихъ все объясняется, главное всего и прежде всего, вѣднимъ юридически-формальнымъ образомъ; а свѣтлые отцы вкладываютъ сюда нравственно-психологический опытъ, внутреннюю жизнь. И посему святоотеческая сокровищница христіанского жизненного опыта — богатый источникъ для Нравственного Богословія. Задача Нравственного Богословія, какъ, науки, по отношенію къ этому материалу состоить прежде всего въ его тщательномъ изученіи и приведеніи въ систему; хотя этотъ материалъ богатый, но онъ не систематиченъ. Напр., всѣ глубокія мысли Преп. Макарія, разбросанные по всѣмъ его бесѣдамъ и посланіямъ, высказанны по частнымъ поводамъ и случаямъ. И лишь однoprинципность возрѣній Преподобного дала возможность собрать эти крупицы его ученія и привести ихъ въ систему. Далѣе, задача, науки — состоять въ томъ, чтобы сей материалъ сблизить съ философией и психологіей, перевести святоотеческіе термины на языкъ этикъ науки. Святоотеческий материалъ — цѣлый непочатый рудникъ, надъ которымъ много нужно работать наукѣ.

Геромонахъ Григорій.
